

© 2002 г. А.А. ЗАЛЕВСКАЯ

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА**

Различные аспекты теории текста и его понимания привлекают внимание ученых, ведущих исследования в гуманитарных науках. Многие авторы предпринимают теоретические изыскания, в которых глубокому и разностороннему анализу подвергаются языковые особенности текста и на этой основе моделируется логико-рационалистическая "переработка" текста реципиентом. Исследования такого рода отображают текст и его понимание с позиций теоретика-исследователя и несомненно вносят весомый вклад в общенаучные представления об изучаемом объекте. Однако имеется и другая позиция – позиция "наивного" читателя, не владеющего лингвистической или литературоведческой теорией, но все равно понимающего текст и способного различать тексты по их жанровой принадлежности, стандартности/нестандартности и т.п. Так, М.К. Мамардашвили отмечает, что при встрече с текстами разной природы и характера (житейскими, художественными, научными, философскими, религиозными и т.д.) мы безошибочно и не сомневаясь назовем некоторые из них философскими, "не зная, почему, на каком основании и каким образом. Потому что они резонируют в нас по уже проложенным колеям воображения и мысли, укладываясь во вполне определенное со-присутствие (это, а не иное) соответствующих слов, терминов, сюжетов, тем и т.п." [Мамардашвили 2000: 32].

В задачи предлагаемой публикации входит обсуждение проблем теории текста и его понимания именно в этой позиции – позиции читателя, не раздумывающего над тем, какого рода пропозиции он строит, какие слоты каких-то фреймов заполняет, на какие импликации опирается, каков уровень духовности художественного текста и т.п. Такой читатель может вообще не знать подобных терминов (т.е. не догадываться, что он "говорит прозой"), тем не менее он успешно опознает текст как таковой, понимает и оценивает его благодаря определенным характеристикам текста и процессам, которые являются общими (основополагающими) и для специалиста-теоретика, и для любого другого читателя.

Необходимость обсуждения некоторых базовых характеристик текста вызвана тем, что в последнее время появился ряд работ, авторы которых так или иначе теоретически обосновывают идею "внутренней жизни" текста, как бы не зависящей или лишь частично зависящей от продуцирующего или воспринимающего текст человека.

Например, идею существования текста как самодостаточной сущности, характеризующейся синергетикой текстовых единиц в текстовом пространстве, отстаивает Н.Л. Мышкина [Мышкина 1998; 1999]. Она трактует в качестве текста любое двустороннее языковое образование (от одной графемы или одного слова до целостного множества предложений-высказываний), имеющее смысл и обладающее свойствами спонтанности, системности и синергии, функционирующее как саморазвивающаяся и самоорганизующаяся система. По мнению Н.Л. Мышкиной, самодвижение текста как энергетического бытия – его внутренняя жизнь – ведет через мерцательную игру смыслов к точечной энергопульсации его сущности, что в совокупности осознается как смысл текста. В этой концепции текст предстает как

спонтанное самодвижение энергии, функционирующее по своим специфическим законам и в соответствии со своими целями.

Иные акценты расставлены Г.Г. Москальчук [Москальчук 1998; 1999], отмечающей, что в лингвистических работах форма текста обычно исследуется как константное образование, а факт наличия у формы собственной специфики структурного и содержательного порядка обычно не обсуждается. Сама она трактует форму текста как универсалию, существующую в виде метро-ритмической тенденции текстовой организации, которая до продуцирования текста сливается с первоначально смутным замыслом и предощущением целого, а затем оказывается вписанной в готовый текст: ритмическая матрица последнего выполняет функцию настройки читателя, гармонизирует ритмы читателя и автора. С этой точки зрения структура текста является неосознаваемой психосемиотической реальностью, при этом можно обнаружить статистические параметры формы как бессознательно предпочитаемые способы структурной самоорганизации текста, а возможности самого текста детерминированы небольшим спектром определенных психофизиологических и физических возможностей человека. Г.Г. Москальчук трактует текст как открытую неравновесную систему, упорядоченность которой возникает и поддерживается благодаря постоянному притоку энергии извне, от человека; при этом уточняется, что форма текста является результатом взаимодействия смыслопорождающей активности человека и репрезентативной функции языка: форма возникает на пересечении системы и среды как результат интегративного процесса.

Итак, в исследованиях Н.Л. Мышкиной и Г.Г. Москальчук фигурируют понятия синергетической системы, структурной самоорганизации текста, динамической системы, интегративных процессов и т.д. Однако термин "синергетика", который в последние годы становится все более популярным в гуманитарных науках, трактуют неоднозначно. Наряду с использованием его в значении 'слияние энергий' [Мышкина 1998; 1999], о синергетике говорят и как о теории самоорганизации [Базылев 1999: 11; Герман 2000], что не очень согласуется с этимологией данного слова (от греч. *συνεργεία* 'совместное действие' [Крысин 1998: 642]); нередко в одной и той же работе недифференцированно фигурируют оба названных значения (см., например [Герман, Пищальникова 1999]). Думается, что предпочтительно использование термина "синергетика" в согласующемся с его внутренней формой значения 'слияние энергий' (что не исключает сочетания такого процесса с процессом самоорганизации системы), при этом важно более четко определять источники энергопотоков.

Можно предположить, что в случаях, когда речь идет о "самодвижении энергожизни текста" (Н.Л. Мышкина) или о том, что "вся система форм текста стремится к симметричному состоянию" (Г.Г. Москальчук), используются метафоры, которые не замечаются вследствие феномена *п р е в р а щ е н н о й ф о р м ы*, заставляющего нас наделять самостоятельной бытийностью то, что на самом деле не является таковым, приписывать видимой форме действительных отношений роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы [Мамардашвили 1990]. Специфику феномена превращенной формы в связи с проблемой речевого общения ("тела" языкового знака, речевой фиксации продукта процесса мышления в тексте и т.д.) подробно обсуждает Е.Ф. Тарасов (см., например [Тарасов 1987]).

В качестве исходного момента для дальнейших рассуждений может быть взята трактовка текста как сложного языкового знака и вытекающая отсюда необходимость обязательного учета (но не простого упоминания!) особенностей процессов означивания. С этой точки зрения, убедительно обоснованной в классической работе У. Эко (русский перевод: [Эко 1998]), в миг достижения адресата сообщение "пусто", но эта пустота на самом деле представляет собой готовность к работе некоего означивающего аппарата, который должен высветить смысл такого сообщения. Иначе говоря, текст создается и воспринимается человеком, без которого существует лишь "тело текста", а оно вне взаимодействия с человеком

остается звуковым шумом или цепочкой каких-то фигур, не становящихся знаками до тех пор, пока не появится некто, способный приписать им значение – означить. Фактически об этом же идет речь в работах Н.А. Рубакина, подчеркивающего, что мертвые физические раздражители лишь обеспечивают возможность вызывать те или иные психические переживания в каком-нибудь человеке, умеющем читать письма такого-то языка. Более того, "если вы не знаете ассирийского языка, то ассирийские письма покажутся вам вовсе не письмами, а *рисунками*, а глиняная пластинка с такими письмами – кирпичом" [Рубакин 2000: 10]. На то, что нет текста как такового без воспринимающего его человека, указывает ряд авторов (см., например, [Пятигорский 1996]). Чтобы текст "заговорил", нужна **работа понимания**, выполняемая человеком (о работе понимания см. подробно [Зинченко 1998]).

Итак, тело текста, взятое само по себе, без означающего его человека не содержит какой-либо внутренней энергии, не может самоорганизовываться структурно. Тем не менее было бы безответственным не признавать факт существования определенных закономерностей, которые во многих работах детально описываются в качестве характеристик текста как смыслового целого, или не соглашаться со справедливо отмечаемой многими авторами способностью текста воздействовать на концептуальную систему человека, в том числе в терапевтических целях. Откуда же берется то, что благодаря эффекту превращенной формы воспринимается как внутренняя энергия текста, обуславливающая его "самоорганизацию" и воздействие на реципиента?

Поиск ответа на поставленный таким образом вопрос требует признания того, что текст **"обитает"** в культуре. Именно коллективное знание задает те ориентиры, в соответствии с которыми продуцент текста придает последнему определенную структуру, отвечающую принятым культурой требованиям к языковому оформлению содержания высказывания (текста в широком смысле). Диктат таких требований создает иллюзию "саморазвития" текста, в то время как реальные действия по поиску и организации языковых средств совершает продуцирующий текст человек; это его энергия "овеществляется" в теле текста как продукте речемыслительной деятельности. В то же время доступ реципиента текста к тому же коллективному знанию в сочетании с его энергией обеспечивает возможность означивания, без которого тело текста так и останется "бессловесным", лишенным энергии мертвым телом. Итак, "воздействие" текста на концептуальную систему человека проявляется в **процессе означивания текста как сложного языкового знака**, когда индивид обращается к своему вербальному и невербальному, перцептивному, когнитивному и аффективному опыту (личному, но включенному в социальные взаимодействия) при обязательном сочетании понимания с переживанием понимаемого. Это хорошо согласуется с высказываниями В. Гумбольдта относительно того, что язык возбуждает в людях определенную энергию, позволяя использовать слова как опору для достижения того, что выходит за их рамки [Гумбольдт 1985: 349]. Идея коммуникативного универсума как силового поля детально проработана в исследованиях И.Э. Клюканова [Клюканов 1998; 1999], где семиозис трактуется как процесс генерирования знаний, т.е. опосредования непосредственного опыта при помощи знаков: в этом процессе границы между объективным и субъективным постоянно создаются и изменяются.

Случаи неоднозначности, эллиптичности, использования тех или иных художественных приемов, "языковых трюков", и т.п. активизируют поисковую и эмоционально-оценочную деятельность человека и создают и л л ю з и ю повышенной энергетики текста за счет перехода на уровень актуального сознания реципиентом языковых форм и отношений между ними и/или между содержанием текста и индивидуальной картиной мира, принятой в социуме системой норм и оценок и т.д., что в других ситуациях не замечается по причине "прозрачности" понимаемого (см., например, экспериментальное исследование И.Ф. Бревдо, где моделируется процесс разрешения неоднозначности на материале шутки [Бревдо 1999]).

Такая постановка вопроса переводит обсуждение в новую плоскость, ведет нас к необходимости обращения к более общим проблемам взаимоотношений между организацией текста и системностью языковых средств как коллективным знанием, направляющим и детерминирующим "самоорганизацию" текста; между способами воплощения мысли в слово, языковыми средствами и закономерностями их использования в тексте, с одной стороны, и используемыми людьми стратегиями означивания и помогающими в этом ориентирами и опорами, с другой; между индивидом и культурой, к которой он принадлежит.

К числу проблем теории понимания текста относится специфика знаний, на которые опирается реципиент текста.

Так, критики концепций, признающих фундаментальную роль знаний в понимании текста, исходят из трактовки знаний как "выученных", к тому же нередко выученных без понимания. В таком случае знание предстает как застывшая структура, а упоминание фрейма, схемы и других форм знаний воспринимается как свидетельство примитивизации процессов понимания текста, сведения последних к механическому заполнению соответствующих привычных "рамок", позиций во фреймах и т.д.

Психолингвистический подход исходит из базовой роли многогранного предшествующего опыта индивида в понимании текста, но категорически отрицает правомерность приведенной выше трактовки знаний, как и рассмотрения специфики знания в исключительно понятийном (логическом или псевдологическом) аспекте. В противовес мертвому или выхолощенному знанию принимается представление о знаниях как **динамических функциональных образованиях** – продуктах переработки вербального и невербального опыта, сохраняющих свои исходные "корни" и формирующих **образ мира**, вне которого никакое понимание происходить не может. Такое живое знание (см. [Зинченко 1998]) через его обобщение в структуры инвариантного типа (независимо от того, как их называть – фреймами, схемами, сценариями и т.п.) обеспечивает понимание текста через **встречное конструирование ситуации** на основе знания о том, что, как, когда, зачем и почему, с какими целями, результатами и следствиями было, бывает, может или не может случиться в реальном или воображаемом мире. Это всегда "повторение без повторения", поскольку ситуация понимания текста читателем, как и ситуация его продуцирования, зависит от взаимодействия множества внешних и внутренних факторов. Следует, однако, сделать оговорку относительно того, что, хотя образ мира формируется прежде всего и преимущественно через ставшее достоянием личности живое знание, для каждого человека важны и в той или иной мере понимаемые выученные знания, но это отдельная проблема, в том числе философская и педагогическая (см., например, [Мамардашвили 2000]), а также обзор отечественных и зарубежных работ [Залевская 1996]).

Идея встречного конструирования, воплощенная в психолингвистических исследованиях в трактовку понимания текста как процесса построения его проекции (или образа содержания текста [Леонтьев 1997]), базируется на достижениях отечественной и мировой науки, в том числе – психологии (А.Г. Асмолов, Ф. Бартлетт, Н.И. Жинкин, П.И. Зинченко, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, А.Р. Лурия, А.А. Смирнов, С.Д. Смирнов и др.), физиологии активности (Н.А. Бернштейн, П.К. Анохин), библиопсихологии (Н.А. Рубакин). Независимо от того, признает ли тот или иной теоретик – читатель данного текста идею формирования проекции текста у реципиента, при чтении этих строк у него немедленно и независимо от его желания и степени осознаваемости актуализируются множественные следы памяти, что в соответствии со степенью компетентности каждого отдельного читателя позволяет не только опознать названные фамилии, но и понять (или не понять), почему они перечислены, а также прогнозировать множество направлений дальнейшего развития излагаемых положений. При этом формируемые ожидания, большинству из которых скорее всего не суждено оправдаться, создают определенный фон, который для одних читателей делает

ненужными более подробные рассуждения на эту тему и вызывает удовлетворение от того, что все понятно, других побуждает вспомнить работы названных авторов. в то время как третья просто отмахивается от фамилий, которые они конечно же слышали, но считают относящимися к чуждым для них областям знаний, что формирует не очень приятное ожидание продолжения разговора об идеях Ф. Бартлетта, П.К. Анохина, А.Н. Леонтьева и др. В последнем случае на основе возникшего (скорее всего неосознаваемого) раздражения может сформироваться база для неприятия дальнейшего развития содержания читаемого текста, однако факт остается фактом: имеет место не только актуализация знания, включенного в более или менее широкий **"внутренний контекст"** предшествующего опыта и **переживание отношения** к этому знанию в связи с текущей ситуацией, но и **прогнозирование** возможных путей продолжения сообщения. Такая двунаправленная (в предшествующий опыт и в развитие смысла текста) работа понимания описывается спиралевидной моделью [Залевская 1988; 1999а; 1999б], выводящей далеко за рамки "внешнего" (вербального, ситуативного) контекста. Пути построения проекции читаемого текста и используемые при этом стратегии и опоры детально прослеживаются в экспериментальном исследовании Н.В. Рафиковой (Мохамед) [Рафикова 1999; Мохамед 2000].

Необходимо особо обратить внимание на то, что приведенный пример может рассматриваться в двух упомянутых выше позиций: с одной стороны, речь идет о понимании текста читателем как носителем русского языка, а с другой – как теоретиком, ведущим научные изыскания в области понимания текста. В любом случае в первую очередь должны исследоваться **фундаментальные процессы** понимания текста как такового независимо от того, кем и с какими дальнейшими целями он читается, а уже затем могут ставиться вопросы о том, какие внешние и внутренние факторы и обстоятельства оказывают влияние на ход и результаты таких процессов. К сожалению, теоретик, находящийся во второй позиции, нередко забывает, что он сам является прежде всего носителем языка, т.е. его понимание читаемого им текста подчиняется тем же самым фундаментальным закономерностям, которые реализуются у наивного читателя и формируют обязательную предварительную основу для дальнейшей интерпретации текста и особенностей его понимания с позиций лингвистики, литературоведения, герменевтики и т.д. Названные позиции недопустимо трактовать с точки зрения **"качества"** понимания текста и квалифицировать понимание текста наивным читателем как примитивное, недостаточное и т.п.: как то, так и другое понимание может быть более или менее глубоким в зависимости от многих факторов, в том числе – от степени владения **"языком"** поэзии, драмы, художественной прозы, той или иной науки. К тому же трудно представить себе, что даже искушенный в интерпретации высоко художественных текстов литературовед или лингвист всегда сам с собой обсуждает уровень духовности любого текста, читаемого **"для себя"**, хотя он не может не обращать внимания на те или иные средства выражения, художественные приемы и т.п., переживая определенное отношение к читаемому, в том числе к его форме. На самом деле речь идет о чтении с различающимися целями, поэтому принципиально важно четко разграничивать соответствующие двум названным выше позициям читателя два вида понимания текста: **понимание – осмысление, включающее спонтанную интерпретацию и переживание понимаемого**, и **понимание – целенаправленную интерпретацию с признанием того, что второй вид понимания невозможен без первого, базового.**

При таком подходе исследователю необходимо исходить из специфики и закономерностей рассматриваемых процессов. В этой связи важны, в частности, функции, выполняемые в тексте словом как средством доступа к единой информационной базе человека, его образу мира. На пути к пониманию текста слово выступает в идентифицирующей, синтезирующей, прогностической и других

функциях, совокупность которых обеспечивает "раскручивание спирали" в названных выше направлениях.

Следует особо подчеркнуть, что слово, идентифицированное читателем как таковое, в ряде отношений отличается от разносторонних лингвистических описаний слова как единицы лексико-семантической системы языка. Это показано, например, в таких теоретических и экспериментальных исследованиях, как [Залевская 1990; Медведева 1999; Мягкова 2000; Рогожникова 2000; Сазонова 2000; Тогоева 2000]. Представляется, что слово как достояние индивида удачно описывается моделью психосемиотического тетраэдра, разработанной патофизиологом Ф.Е. Василюком [Василюк 1993]. Развивая далее идеи А.Н. Леонтьева о трех "образующих" сознания – личностном смысле, значении и чувственной ткани, Ф.Е. Василюк трактует чувственную ткань как многомерную субстанцию – живую, дышащую, текучую плазму, которая движется в пространстве образов сознания. Это пространство задается силовыми полями его узлов, или полюсов, которые представляют внешний мир (предметное содержание), внутренний мир (личностный смысл), культуру (значение) и язык (слово). Вместе с чувственной тканью образ сознания имеет, тем самым, пять измерений, однако чувственная ткань не стоит в одном ряду с другими измерениями, а заполняет весь объем образа сознания, как бы уплотняясь вблизи каждого из полюсов, приобретая характерные для того или иного измерения черты. К обсуждению этого вопроса нам предстоит вернуться ниже, однако согласимся с И.Л. Медведевой [Медведева 1999], что более точно в таком случае вслед за В.П. Зинченко [Зинченко 1997] говорить о слиянии чувственной и биодинамической ткани, поскольку тем самым подчеркивается роль действия в формировании живого знания как достояния человека. Добавим, что на уникальную роль тактильно-кинестетической модальности в формировании образа указывает также Л.М. Веккер [Веккер 1998], успешно разрабатывающий единую теорию психических процессов.

Обратим особое внимание на предлагаемую Ф.Е. Василюком трактовку чувственной ткани как особой внутренней "составляющей" образа в качестве представителя человеческого тела в образе сознания. Будучи "восчувствованным изнутри", "мир тела оказывается тем пространством, в живых стихиях которого происходит интерференция и интегрирование внешнего предметного мира, мира языка, мира культуры и внутреннего мира человека" [Василюк 1993: 19]. Это чрезвычайно важный вывод, требующий, чтобы исследователи языка как достояния индивида возвратились к признанию обязательного (для живого человека) сочетания "души" и "тела", что было хорошо известно Гиппократу, но оказалось забытым во времена господства логико-рационалистических идей.

На ущербность "бестеловечного" теоретизирования (этот эпитет используется И.Э. Клюкановым [Клюканов 1999]) указывают представители разных наук. Так, в статье нейролога А. Дамасио [Damasio 1989] обсуждаются различные трактовки термина "концепт" и на основе собственных исследований высказывается мнение, что концепт для человека не может быть ни дефиницией, ни набором (или перечнем) необходимых и достаточных признаков, ни просто "картинкой" или специфичным примером принадлежности к некоторому классу, репрезентирующим весь этот класс объектов. Следует различать то, что лежит за словом, и его возможное вербальное описание как последующий этап. На самом деле любое вербальное описание того, что лежит за словом, представляет собой выведенное знание, обеспечиваемое соответствующими механизмами и построенное на базе потенциального набора активизируемых в памяти репрезентаций некоторых сущностей или событий. В книге [Damasio 1995] указывается, что базовые "дескрипции" не используют язык, хотя они могут быть переведены на язык; они чисто невербальны, основываются на репрезентативных средствах сенсорной и моторной систем с учетом пространства и времени. Подзаголовок монографии [Damasio 1999] – "Body and emotion in the making of consciousness" –

акцентирует внимание на генетически исходных и неизбежно базовых факторах – теле и эмоциях, взаимодействие которых всегда и во всем направляет функционирование сознания (следует добавить: и под сознания человека, даже того, кто всеми силами старается оперировать исключительно логикой "чистой мысли", не поддаваясь эмоциям при анализе "духовности" художественного текста).

Недостаточное внимание к телу и эмоциям со стороны современных ученых А. Дамазо объясняет тем, что в русле идей Платона, Декарта и Канта формальная логика сама по себе дает нам решение любой проблемы. Согласно соответствующей традиции, для получения наилучших результатов необходимо избавиться от эмоций: рациональная переработка не должна испытывать воздействия со стороны страстей. Особую роль в сложившейся к нашему времени ситуации А. Дамазо отводит Декарту, отделившему сознание (разум) от мозга и тела, что привело к современному варианту этой позиции, согласно которой разум и мозг связаны друг с другом, но лишь в том смысле, что разум трактуется как компьютерная программа, работающая на подобном машине механизме – мозге; если и признается наличие связи между мозгом и телом, то лишь в том смысле, что мозг не может выжить без жизненной поддержки со стороны тела [Damasio 1995: 247–248]. А. Дамазо настаивает на том, что глубокое понимание разума человека требует учета роли тела; необходим не только сдвиг от нефизического когитума к сфере биологического функционирования, но и акцентирование внимания на целостном организме, интегрирующем само тело и мозг и полностью взаимодействующем с физическим и социальным окружением [Там же: 252].

М. Дейнези и П. Перрон [Danesi, Perron 1999] с позиций семиотики настаивают на том, что семиозис как нейробиологическая способность человека реализуется на основе взаимодействия тела, мозга и культуры. В книгах специалиста в области языка и литературы Х. Рутрофа [Ruthrof 1998; 2000] разрабатываются идеи корпоральной ("телесной") семантики, максимально учитывающей роль тела в познании и означивании языка в противовес формальным семантическим теориям. В ходе развернутой критики разных подходов к семантике он указывает, что Г. Фреге известен как теоретик, разграничивший понятия *sense* и *reference*. Менее известно значительно более важное разграничение двух видов смысла, сделанное в самом начале работы [Frege 1970]: существует, с одной стороны, формальный смысл переменных и постоянных величин в геометрии, а с другой стороны, смысл выражений естественного языка. Х. Рутроф считает Г. Фреге ответственным за фактическую подмену одного из этих смыслов другим, что имело разрушительные последствия для развития науки о языке: формальный смысл переменных "а", "b", был без колебаний перенесен на анализ выражений *утренняя звезда* и *вечерняя звезда*. Второй шаг Г. Фреге имел не менее печальные последствия: он устранил ментальные образы из содержания языковых выражений, что хорошо согласуется с формальной трактовкой смысла, но это в конце концов привело к точке зрения на язык, слишком близкой к формальным идеям. В результате неправомерного устранения из языка иконических ингредиентов были утрачены перцептивные и квазиперцептивные характеристики, которые играют важнейшую роль в значении. Ныне "чистая мысль" (или "смысл" по Фреге) заменяет утраченное тело. Эти высказывания согласуются с тем, что редактор антологии работ, отображающих основные направления в философских исследованиях языка в XX веке, Р. Рорти [Rorty 1999] говорит о "смерти значений" в действиях Квайна, Витгенштейна, Дэвидсона и Фейербенда (речь идет об обнаружении значений через логические процедуры верификации и условия истинности).

Х. Рутроф обосновывает необходимость перехода на принципиально иные позиции в анализе языковых явлений и четко формулирует основные положения корпорального подхода, согласно которому языковое выражение остается пустым, пока оно не соотнесено с совокупным продуктом обеспечиваемой телом перцептивной перера-

ботки воспринимаемой действительности. Близким к этому является мнение Кристины Харди [Hardy 1998], полагающей, что при разработке семантической теории, как и теории общения, необходимо учитывать не только осознаваемые и неосознаваемые когнитивные процессы, интуицию и творчество, но и переплетение в мыслительных процессах чувствований, переживаний и абстрактных концептов, а также двустороннее взаимодействие между телом и "душой", свободу воли и способность принимать решения (делать выбор из возможных альтернатив). Описываемая ею семантическая самоорганизующаяся сеть увязывает все возможные типы элементов: не только языковые или пропозициональные, но и участвующие в любых психологических, физиологических и мозговых процессах. К. Харди подчеркивает важность того, что при таком подходе знание у человека никогда не может быть абсолютно абстрактным: оно увязано с множеством сенсорно-аффективных и моторных процессов.

Вполне естественно, что зарубежные авторы рассматривают только историю западной науки. Однако нам есть о чем вспомнить из отечественного опыта. Необходимо прежде всего обратиться к работам физиолога И.М. Сеченова, который более 100 лет тому назад предвосхитил то, что в наши дни говорят А. Дамазио, Х. Рутроф, К. Харди и другие. В опубликованной в 1878 г. статье "Элементы мысли" И.М. Сеченов подробно прослеживает путь от первых чувственных впечатлений, из которых формируются "чувственные конкреты" и "чувственные группы" (включающие не только звуковые, слуховые, вкусовые и прочие чувственные образы, но и слово), через постепенное отделение слова, становящегося знаком всей совокупности чувственных переживаний, к формированию "мысленных абстрактов" как продуктов длинной цепи превращений – настолько длинной, что "очень часто теряется всякая видимая связь между мыслью и ее чувственным первообразом" [Сеченов 1953: 225]. Идеи И.М. Сеченова подробно рассмотрены с современных позиций в книге [Залевская 1977]; там же была предложена концепция слова как средства доступа к единой информационной базе человека – его памяти, где хранятся совокупные продукты переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта взаимодействия человека с окружающим его миром. Обратим внимание на то, что к перцептивной и когнитивной переработке по И.М. Сеченову (который, естественно, не пользовался этими терминами) с опорой на труды Л.С. Выготского в названной работе был добавлен учет аффективного опыта с акцентированием внимания на том, что человек всегда воспринимает и перерабатывает опыт при наличии определенного эмоционально-оценочного отношения к этому опыту; был учтен и фактор культуры через постановку задачи выявления универсальных и определяемых спецификой языка и культуры принципов организации внутреннего лексикона человека. В том же 1977 г. И.Н. Горелов защитил докторскую диссертацию по проблеме невербального базиса коммуникации; содержание этой диссертации отражено в его книгах [Горелов 1974; 1980]. На необходимость ухода от картезианской дихотомии души и тела указывает в своих работах В.П. Зинченко (см., например [Зинченко 1997]).

К сожалению, при наличии названных и других отечественных работ подобные идеи оставались в тени до тех пор, пока они не стали популярными в мировой науке и пришли к нам из других источников. Как бы то ни было, приведенные ссылки дают основания для следующих важных выводов, имеющих прямое отношение к проблематике понимания текста.

Во-первых, логико-рационалистическая традиция проявляется в исследованиях понимания текста через сведение работы понимания, например, к аргументативному анализу [Васильев 1999] или, в пределе, к рефлексии, которая "носит мыследетельностный, духовный характер. Она не имеет отношения к психическому, поскольку относится к чистому мышлению" [Галеева 1999: 21]. В последнем случае к тому же имеет место явное смешение двух принципиально разных позиций: теоретико-философской, действительно отделяющей "чистую мысль" от психического, и позиции

реципиента текста, осуществляющего рефлексию, которая невозможна без взаимодействия "души" и "тела", когнитивного, перцептивного и аффективного опыта. Не случайно М.К. Мамардашвили неоднократно указывает на то, что при чтении философских текстов необходимо делать над собой усилие, чтобы отучиться от предметности бытового языка, "тень" которого повинна в приписывании философам того, что они вовсе не имели в виду [Мамардашвили 2000]. Продолжая эту мысль, подчеркнем, что подобные усилия требуются и для того, чтобы не поддаваться соблазну применить избавленные от такой "тени" философские понятия в исследовании понимания художественных текстов, не являющихся объектом теоретико-философского анализа. Иначе говоря, понимание как таковое изначально представляет собой психический процесс, в котором язык выступает как одна из сторон единого целого. Разграничивать мышление, речь, память, внимание, восприятие, понимание, эмоции и другие психические процессы можно только в целях научного исследования – в реальных жизненных процессах (в норме) они функционируют в едином ансамбле. При этом важно помнить, что подобно отличию философского языка от языка бытового, имеют свою специфику и язык поэзии, язык античной трагедии и т.д. Не каждому дано постичь то, что передается с их помощью (в ряде случаев для этого нужна специальная "грамотность"), и тогда особую значимость для исследования приобретает выявление соответствующих трудностей, с которыми сталкивается наивный читатель.

Во-вторых, возвращаясь к психосемиотическому тетраэдру Ф.Е. Василюка, в принципе согласующемуся с идеями целостного подхода к живому человеку, необходимо подчеркнуть относительность, условность разграничения разных "полюсов" образа сознания, как и разделения чувственной и биодинамической ткани: они могут вычлениваться и подвергаться детальному анализу с позиций теоретика-исследователя, однако для понимающего текст индивида функционируют как взаимодействующие ипостаси одного и того же целого.

В-третьих, сказанное выше объясняет то, что в естественных ситуациях для носителя языка смысл слова слит с его значением и актуализируется в составе некоторого фрагмента образа мира при взаимодействии знания и переживания отношения к этому знанию. Такое положение вещей определяется спецификой языка как достояния индивида, т.е. **живого знания**, в котором "слиты значение и смысл, чувственная и биодинамическая ткань" [Зинченко 1997: 100]. Это дает основания поставить под сомнение правомерность рассуждений о том, что понимание текста неподготовленным читателем происходит на уровне значений слов и ограничивается содержанием текста без постижения его смысла: в норме, идентифицируя слово как таковое при сочетании внешнего (текстового) и внутреннего (перцептивного, когнитивного, аффективного, вербального и невербального) контекстов (см. подробнее [Залевская 1999а; 1999б]), индивид немедленно осмысливает текст, а не "извлекает содержание текста из значений слов" (сам термин "содержание текста" относится к традициям учебного литературоведения и не может быть прямо перенесен на процессы понимания текста как таковые). Такое спонтанное осмысление в норме не замечается именно в силу его изначальности, естественности, неизбежности в соответствии с принципом "презумпции осмысленности" того, что так или иначе включено в межсубъектные взаимодействия (в том числе через текст).

Представления о раздельном функционировании значения и смысла слов, проистекающие из научного лингвистического и литературоведческого анализа лексики или из целенаправленного манипулирования словом, соотносимы лишь с ситуациями затруднений в общении или при чтении текста, когда обнаруживаются смысловые или нормативно-языковые "нестыковки", заставляющие носителя языка задуматься, вывести на "табло сознания" различные варианты понимания и принять решение о выборе из возможных альтернатив. В то же время, как свидетельствуют результаты

экспериментальных исследований, опознание (идентификация) слова, даже предложенного без "внешнего" контекста, происходит через включение его во "внутренний" контекст, выводящий в сферу ситуативного смысла и эмоционально-оценочных переживаний. Так мы снова приходим к недопустимости смешения, отождествления позиций носителя языка и исследователя, поскольку в данном случае слияние значения и смысла слова констатируется именно для позиции носителя языка. Более того, носитель языка склонен не разграничивать слово и репрезентированный в индивидуальной картине мира объект (явление, качество и т.д.), на что неоднократно указывал Н.И. Жинкин: "происходит чудо – слова пропадают и вместо них возникает образ той действительности, которая отображается в содержании этих слов" [Жинкин 1982: 53]. Объяснение механизма идентификации обозначающего с обозначаемым предлагают М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский: «...мы думаем о предметах, а не о знаках языка, на которых мы об этих предметах рассуждаем. Мы соединяем стол со стулом по правилам грамматики, а не слово "стул" со словом "стол". И мы можем задавать языковой механизм, действующий автоматически именно потому, что условие извлечения информации, лежащее в сознании, вытеснено действием самого этого механизма» [Мамардашвили, Пятигорский 1999: 93]. Иначе говоря, в фокусе внимания индивида находится смысл сообщения, в то время как средства выражения этого смысла (в норме) функционируют именно как средства, "инструменты", которые, будучи в достаточной мере освоенными, не замечаются нами до того момента, когда произойдет какой-то сбой или потребуются целенаправленный (специфический) выбор или анализ таких средств. Этот **объяснительный принцип** лежит в основе основ выхода человека на картину мира через язык как средство "смыслоформирования" и "смыслоформулирования" (термины И.А. Зимней).

В связи со сказанным выше представляется необходимым поставить вопрос о важности разграничения разных проявлений смысла, интерпретации, рефлексии. Несомненно, наивный читатель оказывается и в ситуациях, требующих понимания как целенаправленной интерпретации, в таком случае цель чтения меняется, и то, что ранее протекало как естественный процесс, включающий спонтанную интерпретацию, оказывается в фокусе актуального сознания, требует волевых усилий и не обязательно действительно представляет интерес для индивида как личности. Как бы то ни было, то, что до этого получало смысл на фоне личностных представлений и переживаний, так или иначе учитываемых на разных уровнях осознаваемости, должно быть целенаправленно переосмыслено с каких-то заданных (возможно, самому себе) целей и позиций. Получаемый при этом продукт будет уже вторичным смыслом, который является продуктом вторичной интерпретации и нередко "подгоняется" под поставленные задачи и требования. Трудно допустить, что без подобной подгонки можно ожидать извлечения из художественного произведения какого-то единственно "правильного" (пусть даже самого "высокого" и "духовного") смысла. Согласимся с А.М. Пятигорским, что текст создается в определенной субъективной ситуации, а воспринимается в зависимости от времени и места в бесчисленном множестве объективных ситуаций, к тому же "эта субъективная ситуация может не быть описана в тексте, мало того, она может оказаться не реконструируемой на основании текста" [Пятигорский 1996: 18]. К этому можно добавить, что исходный смысл, закладываемый в текст его автором, передается через значения используемых слов, которые дважды выступают в роли медиаторов в пятичленной связи "автор – его проекция текста – тело текста – проекция текста – читатель", при этом означивание и спонтанная интерпретация протекают на базе личностного опыта и связанных с ним переживаний разных людей. Не случайно, даже перечитывая свой собственный текст, мы нередко воспринимаем его по-новому и переделываем, поскольку уже перестал быть очевидным тот внутренний фон, который делал первоначальный текст достаточным для его однозначного понимания хотя бы самим автором.

Развивая далее высказывавшееся еще В. Гумбольдтом и А.А. Потебней предположение о наличии зон понимания и непонимания, обоснованное далее Н.А. Рубакиным, Ю.А. Сорокин [Сорокин 1998: 111] справедливо говорит о совокупности зон понимания и непонимания (квазипонимания, частичного понимания) текста. Это хорошо согласуется с излагаемыми здесь представлениями о спонтанном понимании текста как процессе, который не требует актуального сознания и интерпретации каждого элемента текста, хотя в случае необходимости любой такой элемент может оказаться в фокусе внимания для уточнения или пересмотра первоначальной гипотезы о его смысле в составе целого текста или некоторого его фрагмента. Последнее представляет собой одно из возможных проявлений рефлексии, в значительной мере отличающееся от рефлексии как средства целенаправленной интерпретации текста или процесса его понимания. По аналогии с приведенным выше разграничением различных проявлений смысла представляется возможным говорить о "первичной рефлексии" при спонтанном осмыслении читаемого и о "вторичной рефлексии" при рассуждениях по поводу текста.

Для дальнейшего рассмотрения затронутых выше и связанных с ними проблем необходим **интегративный подход**, способный не просто учитывать данные ряда наук, но разработать специфическую "систему координат", базирующуюся на единой теории психических процессов и тем самым трактующую язык в качестве одной из составляющих сложной динамической системы взаимодействия "тела" и "души", индивида и социума, вербального и невербального, осознаваемого и неосознаваемого и т.д. при четком разграничении позиций носителя языка и теоретика-исследователя (специфика интегративного подхода к процессам понимания текста обсуждается в книге [Залевская 2001]). Особую значимость в этой связи приобретает выявление механизмов **спонтанного семиозиса**, без чего едва ли можно успешно продвинуться на пути к разгадке секретов работы понимания. Такая задача ставится на очередном этапе нашего исследования, ход и результаты которого освещаются в монографии "Концепты и концептуальные поля" (рукопись).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базылев В Н 1999 – Новая метафора языка Автореф дис докт. филол. наук. М., 1999.
 Бреидо И Ф 1999 – Механизмы разрешения неоднозначности в шутке Автореф. дис. .. канд филол наук Тверь, 1999
 Васильев Л Г 1999 – Лингвистические аспекты понимания текста Автореф дис . докт филол наук СПб , 1999
 Василюк Ф Е 1993 – Структура образа // Вопросы психологии 1993. № 5
 Веккер Л М 1998 – Психика и реальность: единая теория психических процессов М , 1998
 Галеева Н Л 1999 – Параметры типологии текстов в деятельностной теории перевода Автореф дис докт филол наук. Екатеринбург, 1999
 Герман И А 2000 – Лингвосинергетика Барнаул, 2000
 Герман И А , Пищальникова В А 1999 – Введение в синергетику Барнаул, 1999
 Горелов И Н 1974 – Проблема функционального базиса речи в онтогенезе Челябинск. 1974
 Горелов И Н 1980 – Невербальные компоненты коммуникации. М . 1980.
 Гумбольдт В 1985 – Об изучении языков или план систематической энциклопедии всех языков // В. Гумбольдт Язык и философия культуры. М., 1985
 Жинкин Н И 1982 – Речь как проводник информации. М., 1982.
 Залевская А.А 1977 – Проблемы организации внутреннего лексикона человека Калинин, 1977.
 Залевская А А 1988 – Понимание текста: психолингвистический подход Калинин, 1988
 Залевская А А 1990 – Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование Воронеж, 1990
 Залевская А А 1996 – Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте Тверь, 1996.
 Залевская А А 1999а – Введение в психолингвистику М , 1999

- Залевская А А* 1996 – Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // ВЯ 1999 № 6.
- Залевская А А* 2001 – Текст и его понимание Тверь, 2001
- Зинченко В П* 1997 – Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М., 1997
- Зинченко В П* 1998 – Психологическая педагогика Материалы к курсу лекций Ч 1 Самара, 1998.
- Клюканов И Э* 1998 – Динамика межкультурного общения Системно-семиотическое исследование. Тверь, 1998.
- Клюканов И Э* 1999 – Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата: Автореф. дис. . докт. филол. наук. Саратов, 1999
- Крысин Л П* 1998 – Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
- Леонтьев А А.* 1997 – Основы психолингвистики. М., 1997.
- Мамардашвили М К* 1990 – Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // М К Мамардашвили Как я понимаю философию. М., 1990.
- Мамардашвили М К* 2000 – Введение в философию // М.К. Мамардашвили Мой опыт нетипичен СПб., 2000.
- Мамардашвили М К, Пятигорский А М* 1999 – Символ и сознание Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке М., 1999
- Медведева И Л* 1999 – Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка: Автореф. дис. . докт. филол. наук Уфа, 1999
- Москальчук Г Г* 1998 – Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул, 1998.
- Москальчук Г Г* 1999 – Структура текста как синергетический процесс. Автореф. дис. . докт. филол. наук. Барнаул, 1999.
- Мохамед Н В* 2000 – Психолингвистическое исследование процессов понимания текста Автореф. дис. докт. филол. наук. Уфа, 2000.
- Мышкина Н Л* 1998 – Внутренняя жизнь текста Пермь, 1998.
- Мышкина Н Л* 1999 – Лингводиномика текста: контрадиктно-синергетический подход Автореф. дис. докт. филол. наук. Уфа, 1999
- Мягкова Е. Ю* 2000 – Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2000.
- Пятигорский А М* 1996 – Избранные труды. М., 1996.
- Рафикова Н В* 1999 – Психолингвистическое исследование процессов понимания текста. Тверь, 1999.
- Рогожников Т М* 2000 – Психолингвистические проблемы функционирования полисемантического слова: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Уфа, 2000.
- Рубакин Н А* 2000 – Тайна успешной пропаганды (в дискуссионном порядке) // Форматы непонимания М., 2000.
- Сазонова Т. Ю* 2000 – Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2000.
- Сеченов И М* 1953 – Элементы мысли // И.М. Сеченов Избранные произведения. М., 1953
- Сорокин Ю А* 1998 – Введение в этнопсихолингвистику. Ульяновск, 1998
- Тарасов Е Ф* 1987 – Тенденции развития психолингвистики. М., 1987.
- Тогоева С И* 2000 – Психолингвистические проблемы неологии: Автореф. дис. докт. филол. наук. Воронеж, 2000.
- Эко У* 1998 – Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.
- Damasio A* 1989 – Concepts in the brain // Mind and Language V 4 1989 № 1–2.
- Damasio A* 1995 – Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain New York, 1995
- Damasio A* 1999 – The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness New York etc., 1999
- Danesi M, Perion P* 1999 – Analyzing cultures. An introduction and handbook Bloomington, Indianapolis, 1999
- Frege G* 1970 – On sense and reference // Translations from the philosophical writings of Gottlob Frege. Oxford, 1970.
- Haidy C* 1998 – Networks of meaning: A bridge between mind and matter. Westport, Connecticut, London, 1998.
- Rorty R. (Ed)* 1999 – The linguistic turn. Essays in philosophical method. Chicago, 1999
- Ruthof H* 1998 – Semantics and the body: meaning from Frege to the postmodern. Melbourne, 1998.
- Ruthof H* 2000 – The body in language. London; New York, 2000